

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

И. Ю. Крачковский

ТУРЕЦКИЙ ПЕРВОПЕЧАТНИК ИБРАХИМ МУТАФАРРИҚА И ЕГО РАБОТЫ ПО ГЕОГРАФИИ

В основной линии турецкой географической литературы XVII—XVIII вв. после знаменитых Хаджжй Халифы и Эвлия Челебй арабско-персидская традиция начинает сходиться со сцены. Постепенно влияние европейской литературы растет и временами сказывается настолько сильно, что собственная научная письменность оригинального характера начинает отходить на задний план. Только история, тесно связанная со всем государственным строем, между прочим в лице государственных историографов, существовавших, можно сказать, до младотурецкой революции, сохраняла свою жизнь, пока сохранялся своеобразный стиль османского государства; и здесь, конечно, действовали преимущественно эпигоны. Во всех областях духовной и материальной культуры Европа и ее достижения привлекают все большее внимание. Европейски направленные культурные стремления этой эпохи нашли себе наиболее яркий выход в последнем периоде старого блеска, который суждено было пережить османам при Ахмеде III и его везире Дамад Ибрахйм паше. Произошло то, что некоторые называют «реставрацией великолепия в модном одеянии», и одним из проявлений этого оказалось введение книгопечатания арабским шрифтом в 1141/1729 г. Быть может поэтому и в области географической литературы за XVIII в. наиболее интересным фактом мы имеем право считать не столько отдельные произведения и определенных авторов, сколько это начинание, распространившее почти в первую очередь ряд важных географических трудов, старых и новых.

Инициатива и осуществление всего предприятия связано с именем Ибрахйма Мутафарриқа (ок. 1674—1746 гг.), венгерца родом, готовившегося к духовно-научной деятельности, но попавшего в плен уже в 1693 г. и принявшего ислам. Влечение к историко-географическим штудиям и несомненный организаторский дар позволили ему стать видным деятелем турецкой культуры. Вся очень любопытная история насаждения полиграфического производства в Турции достаточно серьезно освещена теперь в отдельных работах. Обстоятельства того времени вполне объясняют, почему обязательным условием существования типографии был признан отказ от изда-

ния каких бы то ни было произведений, имеющих касательство к корану и каноническим наукам. Для «светских» наук, в частности истории и географии, особо интересовавших Ибрахима, это оказалось большим благом: поэтому из 17 книг в 23 томах, изданных его типографией, не меньше 6 мы можем поставить в связь с географическими темами. В первом же году деятельности (1141/1729) вышло в свет «Тухфат ал-кибār» («Подарок вельможам») Хаджжи Халифы; в следующем (1142/1729) — турецкий перевод латинского сочинения ученого иезуита Крусинского, жившего долго в Иране, «Терджеме-и та'рих-и сеййах» («Перевод истории путешественника»); оно было посвящено войне с афганцами и падению Сефевидов. При существовавших тогда турецко-персидских отношениях сюжет близко интересовал соответствующие круги, а произведение было особенно важно своими историко-географическими подробностями. В 1142/1730 г. вышла «Та'рих ал-Хинд ал-гарбӣ» («История Вост-Индии»), а через два года (1144/1732) — краткая монография в 23 больших страницы самого Ибрахима «Фуйудāt-и мағнāтбӣсийе» («Магнитные эманации»). Она сопровождалась двумя гравюрами с изображением «магнитной розы». Источник остается неустановленным: Цельсий сообщал, что автор собрал данные из одного арабского произведения; в предисловии, однако, упоминается о «латинских книгах». Едва ли не крупнейшей заслугой типографии явилось издание географии «Джихāн-нумā» («Миропоказатель») Хаджжи Халифы в 1145/1732 г. Последним в географической серии мы можем считать произведение боснийца 'Омара из Нови «Ахвāl-и газавāt дер дийār-и Босна» («Обстоятельства похода в области Боснии»), опубликованные в 1154/1741 г. Это очень интересный в культурно-историческом отношении, написанный в легком стиле живой рассказ Хаким оглу 'Али-пāши о боснийских событиях с 1149/1736 до марта 1152/1739 г., происходивших во время войны с Австрией. Автор был современником и участником этих действий; его рассказ как важный источник был переведен на немецкий (1789) и английский (1830) языки.

Как видим, своими изданиями типография пропагандировала и капитальные труды прошлого и живо откликалась на запросы современности. Заслуги ее относительно исторической письменности были не меньше географической: достаточно назвать «Таквīm ат-тавāрих» («Установление хронологий») того же Хаджжи Халифы (1146/1733) и фундаментальное пятитомное издание основных турецких хроник (1147—1153/1734—1741). К сожалению, уже в 1155/1742 г. на издании большого двухтомного персидско-турецкого словаря Шу'урӣ деятельность типографии по не совсем ясным причинам прекратилась.

Из географической области следует еще упомянуть, что Ибрахимо́м издавались и отдельные карты, которые не всегда удается точно приурочить хронологически. Интересно, что оба гравера, которые их выполняли, были, повидимому, восточного происхождения: одного звали Ахмед из Крыма, второго, армянина, — Мкрдич из Галаты. Все три известные до

сих пор карты были вызваны, повидимому, политическими стремлениями Турции в ту эпоху. Одна представляла карту Персидского государства с большей частью Анатолии и других турецких земель, вторая — карту Черного моря с гаванями и некоторыми прилегающими частями Европы и Азии, наконец, третья была посвящена Египту в целом. Они, таким образом, повидимому, не связаны с теми картами, которые иллюстрируют издание «Джихан-нумā», но среди последних есть такие, которые, быть может, и предназначались для отдельного выпуска. Это заставляет еще раз вернуться к вопросу об иллюстрациях сочинения Хаджжи Халифы. Что они связаны с деятельностью самого Ибрахима, а не автора, — почти несомненно; однако все другие вопросы остаются открытыми.

Экземпляры издания представляют большую редкость и еще реже они сохраняют полный комплект рисунков, доходящий до сорока; изучение затрудняется отсутствием в них нумерации и тем, что при брошюровке они очень часто попадали на неверное место. В экземпляре Института востоковедения АН СССР, где они перешифрованы рукою Френа, количество по его нумерации равно сорока (точнее тридцати девяти, так как развернутое в лист изображение вселенной Френ обозначил двойным номером 4—5). Особенно богато иллюстрировано введение, где дан ряд чертежей и таблиц, а за ними до конца книги идут собственно карты. Состав их таков: № 1 — небесный глобус (перед титулом); № 2 — типы геометрических фигур (стр. 8), № 3 — рисунки, поясняющие шаровидность земли (стр. 19); № 4—5 — вселенная по Птолемею (стр. 21); № 6 — другое изображение вселенной (стр. 25); № 7 — карта неба (стр. 27); № 8 — небесные своды по Птолемею (стр. 33); № 9 — деления на землю и море (стр. 49); № 10 — обитаемая «четверть» и таблицы климатов (стр. 51); № 11 — таблица климатов и расстояний (стр. 57); № 12 — «роза ветров» (стр. 59); № 13 — компас (стр. 65); № 14 — полушария (стр. 71); № 15 — Средиземное и Черное моря (стр. 75); № 16 — Адриатическое море (стр. 77); № 17 — берега Турции в Средиземном море (там же); № 18 — полушария на плоскости (стр. 91); № 19 — Европа (стр. 99); № 20 — Африка (стр. 101); № 21 — Азия (стр. 103); № 22 — Америка (стр. 113); № 23 — Северный и Южный полюс (стр. 119); № 24 — Япония (стр. 125); № 25 — Гвинея (там же); № 26 — острова Индо-Китая (стр. 131); № 27 — другая карта их же; № 28 — Молуккские острова (стр. 135); № 29 — Суматра (стр. 143); № 30 — Малайский архипелаг и Филиппины (стр. 145); № 31 — Китай (стр. 153); № 32 — «государства великой степи» (Сибирь, Средняя Азия стр. 165); № 33 — Индия (стр. 193); № 34 — Иран при Сефевидах (стр. 289); № 35 — Мавераннахр (стр. 327); № 36 — Кавказ (стр. 431); № 37 — Аравия (стр. 483); № 38 — Азербайджан (стр. 487); № 39 — Малая Азия (стр. 629); № 40 — Босфор (стр. 671).

Все эти иллюстрации, конечно, чисто европейского происхождения и только легенды на них турецкие; отдельные номера, однако, заслуживают некоторых замечаний. Так, изображение вселенной (№ 6 при стр. 25)

в развернутый лист имеет особый заголовок не только на турецком, но и на арабском языке, чего нет при других; кроме того, оно имеет отдельно дату, тоже на арабском языке: «Вычерчено и отпечатано это желанное изображение в доме типографии благоустроенном в городе благом Константинополе в году 1142-м». Ниже помещена еще одна надпись, тоже по-арабски: «Рукой ничтожного Ибрахима географа из конвойцев Высокой Порты». Если в самой дате, на три года опережающей издание, можно было бы видеть только указание на то, что оно долго готовилось, то все оформление надписей этого рисунка говорит, что ему хотели придать самостоятельный характер и вероятно он был выпущен отдельно, а только потом включен в «Джихан-нумā». Изображение компаса (рис. 13, стр. 65) определенно связывается в турецкой надписи с работой Ибрахима «Фуйг-дāt магнā-йсийе», вышедшей за год до этого (в 1144/1732 г.); очевидно рисунок был использован в обоих случаях.

Выражение в первом упомянутом изображении «рукою Ибрахима» нет оснований понимать как указание на его личную работу. Основными сотрудниками его здесь являлись уже два известных нам чертежника или гравера: из подписных иллюстраций Ахмеду ал-Ўырйми принадлежат одиннадцать (№№ 1, 3, 8, 10, 11, 14, 25, 28, 34, 36, 37), Мкрдичу из Галаты — семь (№№ 7, 12, 27, 32, 33, 35, 39). Последний свое имя передает с легким вариантом: Мгрдич «Галата» (№ 7, 12) и Мгрдич «Галатавй» (в других случаях); к своей работе оба применяют исключительно термин «амал» («дело», «труд», «работа»), но что под этим понимается, с большей точностью определить едва ли возможно. На рисунке № 39 (стр. 629), наряду с обычной надписью «Амал Мгрдич Галатавй», имеется и другая: «чертил (или рисовал) Ибрахйим из Топхāне» («расамаху Ибрахйим Топхāнавй»). Таким образом, первые два были, вероятно, граверами, последний — чертежник. На двух заключительных картах — Малой Азии и Босфора (№№ 39 и 40, стр. 629 и 671) — совершенно неожиданно выплывает старая традиция с помещением юга наверху карты. Во всех предшествующих образцах никаких следов этого нет, и, вероятно, в данном случае Ибрахйим воспользовался другими источниками. Все эти вопросы должны оставаться открытыми; они лишней раз показывают, что исчерпывающее изучение «Джихан-нумā», равно как и издания Ибрахйима с его иллюстративным материалом, ставит еще очень много серьезных задач для будущего.

По всем данным не может подлежать сомнению, что Ибрахйим Мутафаррика был не только организатором и практиком полиграфии, но в то же время и географом на высоте европейской науки своего времени. Помимо приведенных примеров его собственных работ, это особенно отчетливо сказалось в редакции и значительных вставках к «Джихан-нумā». В них он дает, например, сведения о географии и космологии европейских народов; в частности, им приводится специальный очерк истории космологии, из которого турецкие читатели, вероятно впервые, могли ознакомиться в европейском изложении с системами мира классиков географии и астрономии —

Птолемея, Коперника, Тихо Браге. Из периода после прекращения деятельности типографии для нас специально может быть интересен, между прочим, один факт в биографии Ибра́хима Мутафарри́ка: в 1156/1743 г. он был отправлен Портой в Дагестан для утверждения Ахмеда хана «усмием» кайтаков.

Введение книгопечатания в Турции, явившееся эпохой для истории новой турецкой культуры, вызвало очень живой отклик в Европе и науке того времени. Еще до выхода в свет отдельных изданий известия об этом стали появляться в периодической печати, а затем почти каждое издание отмечалось как своего рода событие; большинство имеющих сколько-нибудь общий интерес реферировалось обстоятельно или даже переводилось на латинский либо на один из новых западноевропейских языков. Уже в 1751 г. знаменитый Цельсий в истории стокгольмской библиотеки дал специальный очерк всей продукции, выпущенной типографией, а с той поры литература о ней и, частично, о ее основателе продолжала непрерывно расти до наших дней, завершившись суммарной работой Бабингера (1919).

В России имя Ибра́хима Мутафарри́ка также стало известно: при Екатерине II два выпущенных им издания были переведены и на русский язык, правда не из области географии и не из числа тех, о которых мы говорили. Интересно, что оба они появились в 1777 г., вероятно, под влиянием недавней войны с Турцией и Кучук-Кайнарджинского мира (1774). Первая книга в русском переводе носит заглавие «Изображение тактики, или искусный образ правления войскового, обнародовано и напечатано в Константинополе на турецком языке Ибрахимом Эфендием Муттефериком. Переведено Алексеем Левашевым. СПб., 1777». Титул не оставляет сомнений в том, что в основе лежит опубликованный в Вене в 1769 г. французский перевод турецкого трактата, который был выпущен типографией Ибра́хима в 1144/1732 г. под названием «Усұл ал-ҳикам фй низам ад-умам» («Основы мудрости в устройстве народов»). Автор его, граф Бонневаль (1675—1747), принявший ислам и известный как Ахмед паша, был в это время начальником турецких бомбардирных войск и пытался ввести в армии принципы западной тактики. Военные задачи вызвали перевод трактата на французский, немецкий и русский языки.

Вторым произведением типографии Ибра́хима, получившим распространение в России, оказалась турецкая грамматика Холдермана, выпущенная в Константинополе на французском языке в 1730 г. Она была первой французской книгой, напечатанной здесь передвижным шрифтом. Издавал эту книгу, Ибра́хим шел навстречу пожеланиям «франков», живших в Турции. Спорный одно время вопрос об авторе теперь можно считать окончательно разрешенным: им является живший в Стамбуле уроженец Страсбурга миссионер иезуит И. Б. Холдерман (1694—1730), основавший свой труд главным образом на грамматике известного Менинского (1623—1698); автор только на три месяца пережил выход своего произведения из печати. Оно было встречено очень сочувственно научной прессой того.

времени, а в России появилось почти одновременно в двух изданиях, факт для пособий востоковедного типа у нас, можно сказать, небывалый. Первое издание его было выпущено типографией Академии Наук в 1776 г., второе — в связи с началом преподавания татарского языка Московским университетом в 1777 г. Переводчиком во втором случае назван студент Р. Габлиц; отличия заметны только в титульном листе и предисловии; возможно, что напечатанное в Петербурге издание получило лишь новую обложку. Характерен факт одинакового значения: если для Константинополя грамматика Холдермана была первой напечатанной там местным шрифтом французской книгой, то для России перевод ее оказался первой книгой, в которой был систематически применен арабский передвижной шрифт, а не гравировка.

В эпоху Екатерины II русские читатели могли уже познакомиться и с общей характеристикой деятельности Ибрахима Мутафаррика и выпущенными его типографией изданиями. В «Чтении для вкуса и разума и чувствований» за 1791 г. были помещены «Извлечения о турецкой литературе», «почерпнутые» из «Letteratura Turchesca» Тодерини, напечатанной в Венеции в 1787 г. Ученый аббат Дж. Тодерини (1728—1799) прожил в Константинополе пять лет (1781—1786) и дал замечательный по своему времени фундаментальный трехтомный обзор истории турецкой литературы, вернее — всей духовной жизни, который сейчас же был переведен на французский (1789) и немецкий (1790) языки. Значительное внимание посвятил он в своей книге первым печатным изданиям в Турции. Таким образом, вполне возможно, что «любопытные россияне» второй половины XVIII в. могли знать не только имя Ибрахима Мутафаррика, но также его географические издания и собственные заслуги как географа.

Деятельность пропагандиста полиграфического искусства и географических знаний, которая представляет интереснейшее явление турецкой географической литературы XVIII в., не должна, конечно, заслонять новые факты в письменности этого периода, которые количественно далеко не так бедны. Неизвестных раньше жанров естественно не создается, прежние кристаллизуются, а некоторые из них приобретают особое значение и особую иногда популярность. До нового времени продолжают возникать топографические и региональные описания по старой традиции в различных областях, но наиболее популярными оказываются достаточно разнообразные типы путешествий. Кроме переводов, вызванных какими-нибудь индивидуальными побуждениями, кроме путешествий, направленных преимущественно на восток, широко растет сеть паломничеств-хаджжей, шедших из различных провинций и находивших отражение в самой разнообразной литературной форме. Особенного развития достигают так называемые «Сефарет-наме» («Книги о посольствах») — описания миссий в иностранные державы. Оживленные дипломатические сношения Турции в эту эпоху направлялись во многие страны и на восток, и на запад, но письменные памятники посвящены преимущественно западным государствам, которые

представляли для турок определенный интерес. Благодаря этим «Се-фāрет-нāме», цепь которых непрерывна и очень многообразна, мы имеем целый ряд описаний стран, которые представляют для нас особый интерес, как, например, Россия или Польша. Литература переводов или адаптаций географических сочинений с европейских языков продолжает расти и в XVIII в.

Все упомянутые жанры за это время каждый в своей области могут назвать заслуживающие внимания образцы, но рассмотрение их выходит уже за пределы настоящей статьи,¹ которая представляет посильную дань глубокого уважения арабиста крупнейшему тюркологу, давнему товарищу по занятиям на «арабско-персидско-турецко-татарском» разряде Факультета восточных языков начала нынешнего столетия.

¹ По существу — это несколько сокращенный этюд из моей большой работы по географической литературе восточного средневековья на арабском, отчасти персидском и турецком языках. Этим объясняется и отсутствие научного аппарата, который подготовлен для всего труда при его издании.